

На правах рукописи

УДК 803.0 - 56

ДАНИЛОВА Виктория Анатольевна

**КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «БРАК И СЕМЬЯ» В
НЕМЕЦКИХ ШВАНКАХ XVI – XVIII ВЕКОВ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Данилова

Санкт-Петербург

2007

Работа выполнена на кафедре германской филологии
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
"Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена"

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Копчук Любовь Борисовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Гронская Ольга Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Сыроватская Елена Фёдоровна

Ведущая организация: Институт языкознания РАН

Защита состоится "28" марта 2007 г. в 11.30 на заседании
Диссертационного Совета Д 212.199.05 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора наук в Российском государственном
педагогическом университете имени А.И. Герцена по адресу: 191186, г.
Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 14, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Российского государственного педагогического университета имени
А.И. Герцена

Автореферат разослан "27" февраля 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. Г. Гурочкина

Общая характеристика работы

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению особенностей композиционно-речевой реализации концептуальной области брачно-семейных отношений в немецких прозаических шванках XVI–XVIII вв. В последнее десятилетие приобрели особенную актуальность исследования лексико-фразеологического фонда языка, позволяющие наглядно показать связь между языком и мышлением, специфику отражения действительности в языке. Современная лингвистическая наука уделяет большое внимание изучению языкового материала в когнитивном аспекте – в соотношении с особенностями социально-общественной жизни, историческим путём того или иного этноса, трансформациями его ментальности.

Актуальность данного исследования определяется тем, что оно представляет собой попытку реконструкции фрагмента концептуальной картины мира народа, зафиксированной на определённом временном отрезке в корпусе художественных текстов одного жанра, отличающихся глубокой этноспецифичностью. Работа отвечает насущным потребностям поиска актуальных методических приемов анализа художественного текста, объединяющих достижения таких дисциплин, как лингвистика текста, литературоведение, психолингвистика, лингвокультурология и др.

Объектом исследования является концептуальная область «Брак и семья» в картине мира немецкого прозаического шванка XVI–XVIII вв., представляющая собой квант структурированного знания о ключевой области межличностных отношений

Выбор немецкого прозаического шванка в качестве материала исследования определяется тем, что данный малый комический жанр, незаслуженно мало востребованный в современных лингвистических исследованиях, на всем протяжении своего существования характеризуется ярко выраженной этноспецифичностью, выпукло отражает мировидение немецкого этноса в эпоху становления национального самосознания и национального языка.

Предметом исследования являются средства композиционного и лексико-фразеологического уровней объективации концептуальной области брачно-семейных отношений в текстах шванков.

Теоретическую базу исследования составляют общепризнанные работы в области когнитивистики и лингвокультурологии [Арутюнова, 1999; Болдырев, 2001; Вержбицка, 1999; Демьянков, 2001; Колшанский, 1990; Красавский, 2001; Маслова, 2004; Никитин, 2003; Степанов, 1997; Телия, 2001; Фархутдинова, 2000; Шаклеин, 1997; Бабенко, 2004 и др.], труды по специфике малых комических форм немецкой литературы [Носе, 1999; Petzold, 2002, Schrader, 1980], по жанровым особенностям немецкого прозаического шванка [Bausinger, 1967; Deufert, 1977; Neumann, 1986; Moser-Rath, 1984; Реутин, 1992 и др.], а также социологические исследования по истории семейных отношений, в том числе использующие материал художественной литературы как специфический

источник историко-социологических данных [Бессмертный, 1996; Dinzelbacher, 1993; Kotin, 1996; Lundt, 2003; Röcke, 1992; Röhrich, 2001 и др.].

Целью исследования является выявление особенностей картины мира шванка и системное описание средств композиционно-речевой объективации концептуальной области брачно-семейных отношений в текстах шванков XVI – XVIII вв.

В соответствии с указанной целью в работе ставятся и решаются следующие задачи:

1. проанализировать жанрово-специфические черты немецкого прозаического шванка, релевантные для преломления в нем историко-культурных особенностей эпохи;
2. разработать алгоритм концептуального анализа художественного текста, позволяющий соотнести сущностные признаки концептуальной структуры с последующим анализом средств её вербализации на композиционно-речевом уровне;
3. определить место концептуальной области «Брак и семья» в художественной картине мира шванка и описать её содержательную структуру;
4. выявить и описать композиционные особенности и фонд лексических единиц, ставших репрезентантами данной концептуальной области;
5. проследить диахронические изменения, присутствующие в немецком шванке на уровне содержания и уровне выражения концептуальной области брака и семьи.

Поставленные задачи определили выбор методов исследования. Метод концептуального анализа текста требует привлечения разнообразных исследовательских приемов – элементов этимологического, стилистического, контекстологического анализа значения лексических единиц, а также описательного, сопоставительного, синхронно-диахронного анализа художественных текстов. Используются элементы лексикографического анализа (анализа словарных дефиниций) и лингвокультурологического комментария (с привлечением данных диахронической антропологии).

Материалом исследования послужили 294 текста, посвященные брачно-семейной тематике и опубликованные в сборниках шванков в Германии в период с 1555 по 1792 гг. Критерием отбора материала явилась значимость того или иного сборника шванков в ряду других, его репрезентативность в рамках современной ему эпохи. В рамках XVI – XVIII вв., условно ограничивающих время существования шванка в ряду актуальной литературы, были использованы следующие сборники: «Rollwagenbüchlein» (Йорг Викрам, 1555), «Nachtbüchlein, der Erste theyl» (Валентин Шуманн, 1559), «Rastbüchlein» и «Katzipori» (Михаэль Линденер, 1558) «Gartengesellschaft» (Якоб Фрей, 1556) «Wegkürzer» и «Das Ander theyl der Garten gesellschaft» (Мартин Монтанус, соответственно 1557 и 1560), «Wißbadisch Wisenbrünlein» (Михаэль Каспар Лундорф, 1610/1611), «Kurtzweiliger Reyßgespan» (Иоганн Талиц фон Лихтензее, 1645), «Lustige Gesellschaft» (Иоганн Петер де Мемель, 1656), «Gepflückte Fincken Oder Studenten-Confect» (неизвестный автор, 1667),

«*Studiosus jovialis*» и «*Zeit-Vertreiber*» (Одило Шперер, соответственно 1752 и 1754), «*Belustigung*» (Готфрид Рудольф фон Зиннерсберг, 1747) «*Historien-Schreiber*» (Язандер, 1780) «*Vademecum für lustige Leute*» (Фридрих Николаи, 1765-1792). Значительная часть исследовательского материала была собрана в процессе работы в архивах международного лексикографического проекта «*Enzyklopädie des Märchens*» (ФРГ, г. Гёттинген).

В ходе исследования сформулированы следующие **научные положения, выносимые на защиту**:

1. Немецкий прозаический шванк, становление которого проходило в условиях самобытного культурно-исторического развития Германии, однако под значительным влиянием итальянской и французской новеллистики, сформировался как жанр с выраженным этноспецифическим характером. В шванке зафиксированы господствовавшие в обществе прагматические установки, стереотипы, особенности мировосприятия среднего и низшего социальных слоев, что делает его ценным свидетельством своей эпохи.

2. Концептуальная область семейных отношений является одним из главных сегментов художественной картины мира шванка. Она характеризуется глубоко специфическим преломлением в тексте, обусловленным принадлежностью жанра шванка исключительно к мужскому дискурсу, варьирующимся соотношением между доминирующей развлекательной направленностью и поучительной функцией, стереотипизацией действующих лиц и ситуаций, значительным влиянием античного и христианского взгляда на брак и семью.

3. Важнейшим текстообразующим средством создания комического эффекта в шванке являются многообразные разностилевые языковые единицы – в их числе разговорная фразеология, просторечная и возвышенная лексика, вульгаризмы.

4. Шванк фиксирует языковые факты, отражающие процесс развития немецкого национального языка, такие, как заимствования, тяготение метафорической фразеологии постреформационного периода к использованию образов повседневной жизни, комбинирование стилистически контрастных элементов.

5. Шванк занимает промежуточное положение между собственно авторской и народной литературой, что подтверждается на уровне языка соотношением общепотребительных и индивидуально-авторских лексических построений, тенденцией к консерватизму при объективации социально-культурных установок и вместе с тем к наличию авторской позиции, меняющейся во времени, варьирующейся даже в пределах одного сборника,

6. На уровне лексической репрезентации лингвокультурологической сферы брачно-семейных отношений проявляются две тенденции: 1) к доминирующему надрегиональному стереотипизированному набору лексических единиц в описании данной концептуальной области; 2) к включению в повествование регионально окрашенных элементов, упоминанию реалий.

Научная новизна во многом обусловлена предметом исследования: немецкий шванк подвергался исследованиям в первую очередь с точки зрения воплощения того или иного конкретного мотива – национально-специфического или, наоборот, заимствованного из новеллистики других стран. Жанровая специфика шванка, особенности его архитектоники нашли отражение в значительном числе исследовательских работ, в то время как немногие имеющиеся исследования языкового уровня почти исключительно ограничиваются описанием его региональной специфики, отраженной на фонетическом и орфографическом уровнях. В данном исследовании впервые предпринимается попытка на основе когнитивного подхода очертить концептуальную область брачно-семейных отношений, описать многообразие композиционных и лексико-фразеологических средств её репрезентации.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведённый анализ языкового материала вносит вклад в область концептуального анализа художественного текста. Предлагается алгоритм концептуального анализа прозаического художественного текста. Предпринятая попытка системного описания лексико-фразеологического корпуса в соотношении с композиционными особенностями немецких прозаических шванков заполняет пробел в изучении данного жанра филологической наукой.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предлагаемого алгоритма концептуального анализа прозаического художественного текста и полученных научных результатов при изучении произведений других жанров, а также в практике преподавания германской филологии в высшей школе.

Рекомендации по использованию результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы настоящей работы могут быть использованы в лекциях и семинарах по стилистике, лингвистике текста, лексикологии, лингвокультурологии, истории немецкой литературы, истории немецкого языка, межкультурной коммуникации, психолингвистике, спецкурсов по изучению текстов малых форм, а также в процессе преподавания внеязыковых дисциплин, затрагивающих проблематику соотношения языка и культуры. Собранный и проанализированный фактический материал может быть также использован при написании курсовых и дипломных работ.

Апробация работы проводилась на заседаниях и аспирантских семинарах кафедры германской филологии РГПУ им. А.И. Герцена (2004-2006 гг.), а также на конференции «Герценовские чтения» в РГПУ им. А. И. Герцена (май 2004, май 2005), на VII и VIII Российско-американской научно-практической конференции по актуальным вопросам современного университетского образования (май 2004, май 2005, Санкт-Петербург), на III и IV Международной научно-практической конференции по проблемам изучения языка, культуры, менталитета в иностранной аудитории (апрель 2004, апрель 2005, Санкт-Петербург), на Межвузовской научной конференции по актуальным вопросам германистики и романистики (июнь 2005, Смоленск), на Всероссийской научно-методической конференции по проблемам лингвистики и лингводидактики в высшей школе (июнь 2005, Санкт-Петербург), на

Международной конференции по проблемам и перспективам реформы системы высшего образования США и России в сфере гуманитарных и социальных наук (март 2006, Санкт-Петербург). Результаты исследования отражены в 14 научных публикациях.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения. Содержание диссертационного исследования изложено на 191 страницах машинописного текста. К основному тексту прилагается библиографический список из 201 наименований, в том числе 103 на иностранных языках, список использованных словарей и цитируемых источников.

Основное содержание работы

Структура диссертации определяется целями и задачами, поставленными в исследовании.

Во **введении** определяются предмет и объект исследования, обосновываются актуальность и научная новизна, формулируются цель и задачи исследования, выдвигаются основные положения, выносимые на защиту, указываются методы исследования, определяется теоретическая и практическая значимость работы.

В **первой главе «Основные принципы применения когнитивно-лингвистического подхода к исследованию концептуальной картины мира»** излагаются теоретические предпосылки исследования, даётся обзор различных подходов к исследованию концептуальной картины мира и её языковой репрезентации, в частности, на материале художественного текста.

Смена парадигмы в лингвистической науке привела к отходу на второй план исследований, посвящённых изучению языка в самом себе и для себя. Ведущие позиции занимают работы о «человеке в языке и языке в человеке», конечной целью которых является реконструкция присущего языку донаучного взгляда на мир, попытка выстроить представленную в языковой форме концептуальную картину мира как нечто единое и законченное с учётом национальной специфики.

Концептуальная (понятийная) картина мира представляет собой «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании его носителей и являющийся результатом всей духовной деятельности человека» [Постовалова, 1988: 21]. Она является универсальным ориентиром человеческой деятельности, определяет социокультурную жизнь общества. Концептуальная картина мира индивидуальна, однако очевидно существование объективно вычленяемого ядра, сформировавшегося под влиянием национально-культурной традиции, господствующей идеологии.

Язык является сверхзначимым средством фиксации и репрезентации глобального ментального образа материального мира. Он представляет собой инструмент познания, опосредующий получение информации, её структурирование, извлечение из памяти, передачу опыта другим людям.

Представляется возможным рассматривать мышление и язык в одной модели, при этом язык является материальной формой закрепления и реализации отражённого в сознании образа объективного мира [Колшанский, 1990; Павилёнис, 1986; Никитин, 2003; Пищальникова, 2001 и др.]. Таким образом, следует говорить не о самостоятельно существующих понятийной и языковой картине мира, а о языковой репрезентации концептуальной картины мира.

Человеческое сознание обладает свойством строить свои ментальные миры наряду с отражением объективно существующего мира. Художественная картина мира немецкого шванка представляет собой яркий пример картины смешанного мира, в котором доминирующая проекция на мир действительных связей и отношений дополняется фантазийными построениями.

Языковая репрезентация образа мира исследуется в связи с гипотетически выстраиваемой системой концептуальных структур знания в мозгу. При этом единицей исследования когнитивной лингвистики является концепт как фрагмент концептуального образа мира. Как всякий сложный лингвосоциальный конструкт, на современном этапе развития лингвистики концепт не имеет однозначного толкования. Логика данного диссертационного исследования строится в первую очередь на теоретических принципах лингвокультурологического направления в исследовании концепта, зародившегося в начале 90х гг. XX в. под влиянием трудов Д.С. Лихачёва, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой и трактующего концепт в первую очередь как ступок культуры в сознании человека, как единицу этнокультурного уровня, связывающую отдельную личность с социумом. В качестве рабочего принимается определение Ф.Ф. Фархутдиновой, рассматривающей концепт как «структурно и образно организованное инвариантно – вариативное знание определённого социума (отдельной языковой личности) о каком-либо явлении духовной или материальной культуры, реализующееся в системе разноуровневых и разнопорядковых языковых знаков, связанных между собой парадигматически, синтагматически и/или ассоциативно» [Фархутдинова, 2000: 46]. При этом следует подчеркнуть хронопространственную лабильность концепта, изменяющегося во времени и пространстве той или иной этнической культуры.

Принятие концепта как ментальной базы нового объединения слов, отражающей помимо семантической общности и тезаурусные связи слов, в ходе многих исследовательских программ уже доказало свою перспективность. Тесная взаимосвязь и взаимопроникновение отдельных концептов позволяет говорить об условно выделяемых концептуальных областях, одной из которых и является исследуемая область брачно-семейных отношений.

Предметом концептуального анализа являются смыслы, передаваемые отдельными словами и словосочетаниями в их словарных толкованиях и речевых контекстах, типовыми пропозициями и их реализациями в виде конкретных высказываний, а также текстами. Помимо обращения к словарным дефинициям перспективным является обращение к разнообразным определениям, толкованиям, отражённым в паремиях, афоризмах, притчах,

иногда и в значительных по объёму публицистических, научных и художественных текстах. Из данного материала, служащего безусловным залогом полноты и доказательности в ходе концептуального анализа, в основном и выделяется интерпретационное поле концепта, в котором можно обнаружить весьма разнообразные, скрытые от прямого наблюдения признаки.

На основе обобщения существующих методик концептуального анализа, разработанных на материале лексико-фразеологического фонда русского языка, предлагается алгоритма анализа фрагмента концептуальной картины мира художественного текста. Материалом исследования в данном случае являются не извлечённые из лексикографических источников лексические и фразеологические единицы, а корпус текстов одного жанра, возникших в одну историческую эпоху, на одном географическом пространстве и, следовательно, позволяющий с большой долей адекватности реконструировать отражённое в них специфическое видение мира. Такой подход делает возможным сравнения и обобщения, например, в рамках литературного жанра или – как проекция на отдаленную цель – в рамках литературы эпохи.

Предлагаемый нами алгоритм концептуального анализа текста шванка включает в себя следующие этапы:

1. Анализ экстралингвистических данных, оказавших влияние на формирования концептосферы данного текста/группы текстов (жанровая специфика, эпоха создания текста, личность автора, адресная группа и коммуникативные намерения автора).

2. Обозначение границ и архитектоники исследуемого концепта (в данном случае – концептуальной области, включающей в себя множество концептов, объединённых областью брачно-семейных отношений). Выделение отдельных сегментов в структуре концептуальной области предпринимается для наглядности расположения и удобства анализа эмпирического языкового материала и в некоторой степени условно, так как данные сегменты характеризуются тесной взаимосвязью, взаимозависимостью и взаимопроникновением. Данный этап включает в себя в качестве обязательного критерия сопоставление художественной картины мира немецкого шванка с данными о воззрениях на семью и брак, свойственных немецкому этносу на конкретном историческом этапе его развития.

3. Исследование репрезентации отдельных концептов на композиционном и собственно языковом уровнях текста, включающее в себя в качестве обязательных компонентов:

а) Анализ заголовка и/или зачина, выполняющих в шванке исключительно важные тематизирующую и прогностическую функции, тесно взаимосвязанных с повествовательным блоком. Обычно заголовок имеет распространённую форму, стилистически окрашен, выражает авторское отношение к предмету повествования.

б) Анализ отражения концепта в повествовательном блоке, включающий в себя краткое рассмотрение типичных мотивов и классификацию ключевых слов, их стилистических синонимов с разной степенью экспрессивности, репрезентирующих различные грани концепта в отдельных микроконтекстах.

Ключевые слова входят в ядерную и приядерную часть репрезентации концепта. При этом отбор членов номинационных цепочек строится не только на их частотности и распространенности: приводятся также случаи единичного употребления той или иной лексемы, значимой для фиксации мировоззрения этноса на данном историческом этапе. В шванке фиксируется значительное число фразеологических единиц, имеющих этноспецифическую коннотацию, включающих лингвокультурную универсалию. Чрезвычайно важен для выделения образных ассоциаций концепта обширный корпус метафор и сравнений (в том числе зоонимических) как существенный элемент структуры образа персонажей в шванке. Ассоциативно-образные ассоциации образуют периферийную часть репрезентации концепта.

в) Анализ композиционно-речевого многообразия морализирующих заключений – важнейшего структурного компонента шванков. Морализирующие заключения эксплицировали авторскую позицию, часто отличались значительным объемом и эмоциональной окрашенностью, включали в себя незначительно модифицированные/ немодифицированные цитаты из прецедентных текстов Ветхого и Нового Заветов в аргументирующей функции.

4. Учёт интертекстуальных связей того или иного шванка с текстами из более ранних/поздних сборников, с античными и христианскими текстами на сюжетном и на языковом уровне.

Во второй главе «Композиционно-речевая характеристика немецкого шванка» определяются место шванка в истории немецкой литературы, его жанровые особенности, влияющие на возникновение своеобразной шванковой картины мира, выявляется специфическое преломление брачно-семейной тематической области.

Термин *Schwank* (нем. «взмах, раскачивающее движение; удар; выходка, проделка; шутка, проказа или рассказ о ней») с XV в. закрепляется как собирательное обозначение малой городской комической прозы, отличающейся значительным структурным многообразием. Расцвет городов, повлекший за собой глубокие сдвиги в культурной истории Германии, способствовал растущей популярности литературы третьего сословия, противопоставившей средневековому культу аскезы и страдания, воспеванию платонической любви натуралистические описания отношений между мужчиной и женщиной, супружеской измены, семейных и межсословных конфликтов.

Структурная гетерогенность шванков затрудняет выбор точных классификационных критериев. В типологии А. А. Аарне (начало XX в.) шванк определялся как подвид сказки, в каталоге А. Аарне – С. Томпсона «The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography» (1973) шванки включены в раздел «Jokes and Anecdotes», у В. Я. Проппа – как бытовая/новеллистическая сказка о людях. Классификационные трудности во многом обуславливают тот факт, что наряду с классическим прозаическим шванком большое распространение получили такие смешанные формы, как шванковые сказки, шванковые легенды, шванковые баллады и т.д.

Шванк нельзя назвать исторически исконным жанром немецкой литературы. Сходная литературная форма встречается в древнеегипетской, древнегреческой, древнеиндийской литературе, в более поздней народной литературе народов Европы и Азии. Античная традиция оказала сильное влияние на первые шванки, возникшие в эпоху раннего средневековья и сочинявшиеся исключительно на латыни (см., например, сборник *Modux liebinc*, XI в.). В XIII – XIV вв. шванк представлял собой повествовательное произведение малого объема (15 – 110 строк), написанное так называемым ломаным стихом. Однако в XV – нач. XVI вв. под влиянием итальянской гуманистической фацетии стихотворный шванк постепенно вытесняется прозаическим, к середине XVI в. достигает своего жанрового расцвета и пика популярности.

Многочисленные сборники XVI в. – в первую очередь сборники Й. Викрама, М. Линденера, Я. Фрея, М. Монтануса, В. Шуманна – представляют собой по форме, тематике и функциональной направленности своеобразный эталон для всех последующих столетий. В дальнейшем тематика и многие сюжеты остались прежними. При этом количество сборников на протяжении XVI – XVIII вв. продолжало оставаться значительным. Значимыми являются сборники П. де Мемеля, М.К. Лундорфа, И.Талица фон Лихтензее, О. Шрепера.

В XIX в. шванк постепенно трансформируется в шутку и анекдот, продолжает свое существование в календарях. Рубеж XIX-XX в. охарактеризовался ростом интереса к народной литературе, что повлекло за собой сбор шванков в различных областях Германии с последующим изданием антологий. Интерес к шванку прослеживается до 70-х гг. прошлого в. и реализуется преимущественно в узкоспециальных историко-географических исследованиях отдельных мотивов, сравнительном анализе различных воплощений одного и того же сюжета. При этом многие историки литературы и филологи с предубеждением относились к шванку как к жанру так называемой массовой «тривиальной литературы», из этических соображений настаивали на его исключении из сборников, предназначенных для чтения в семейном кругу [Bobertag, 1887; Gödeke, 1886; Weisser, 1936; Wolf, 1932; и др.).

На основании анализа фактического материала представляется возможным выделить формальные и содержательные признаки, характеризующие большинство текстов шванков исследуемого исторического периода:

1. В фокусе внимания авторов шванков, воспринимающих мир в его материально-телесной целостности, преобладают аспекты человеческой жизни, базирующиеся на биологических инстинктах (еда, физические отправления, половое влечение). В основе сюжета также может лежать социальный конфликт, яркая несправедливость, отмеченная в общественной жизни. Специфика тематики обусловлена функциональной направленностью шванка, в первую очередь на развлечение и, в меньшей степени, – в зависимости от времени

возникновения и коммуникативного намерения конкретного автора – на воспитание слушателей путем критики существующих порядков.

2. Стиль шванка не предполагает подробного анализа переживаний персонажей, все индивидуализированные описания сведены к минимуму и опираются на типичный набор клишированных формул. По принципу организации действия выделяются наиболее распространённые одновершинные (*einspitzige Schwänke*), повествующие об одном единственном коварном поступке или ответе, и двувершинные/шванки-цепочки (*zweigipflige Schwänke*, *Kettenschwänke*), включающие два и более последовательных эпизодов. Действие стремительно развивается к новеллистической развязке (*пуанте*) и часто сопровождается заключительной моралистической сентенцией. Количественный анализ собранного языкового материала наглядно иллюстрирует популярность морализирующих сентенций у различных авторов и на различных этапах существования жанра: если наличие морализирующего включения достигало 85 % в текстах XVI -XVI вв., то в текстах XVIII в. колебалось от 0 до 3%.

3. Шванк характеризуется хронологической непрерывностью в описании последовательности событий, при этом действие представлено как динамический, а ситуация – как статический элемент. Как правило, не наблюдается гармоничного соотношения «действие – ситуация – развязка».

В работе шванк рассматривается как жанр переходный между собственно литературой и чистым фольклором. Устойчивость сюжета на протяжении веков, неизменность образов, обращенность к народной жизни, среда бытования жанра характеризуют шванк как фольклорный жанр, тогда как литературная обработка, авторский стиль повествования приближают шванк к литературным произведениям.

Комизм шванка сравнительно редко строится на игре слов, обычно он глубоко пронизывает всю структуру текста, его образы и ситуации. Часто комический эффект вызывается у слушателя нагромождением описания драк, обжорства, физиологических актов. Однако шванку не чужды и более утончённые формы комического – иронические переломы действия и концовки, сатирическая трактовка характеров.

Шванк сопоставим с другими малыми повествовательными формами: с бытовой (новеллистической) сказкой, шуткой, анекдотом, басней, экземплем (поучительным примером). На всем протяжении своего развития он демонстрирует тенденцию комического представления мифологического, сказочного материала, материала легенд. Родство шванка и других малых пуантированных форм прослеживается как на содержательном, так и на структурно – стилистическом уровне. Различия состоят в распределении акцентов, функциональной направленности, также в трансляции тех или иных духовных установок, видении мира.

Шванк реалистичен в той мере, что он более явно, чем другие жанры, показывает вечное свойство человеческой природы – стремление к удовлетворению потребностей, раскрывает главные проблемы человеческих отношений (браки, любовь). Историки литературы, рассматривая специфику

картины мира шванка, используют понятие «реализм позднего Средневековья», имея в виду отход от традиций стилизованной куртуазной литературы обращение к «более приземленному материалу» [Petzold, 2002: 214]. На материале неординарных комических конфликтных ситуаций шванк раскрывает социально-культурные установки, распространённые в немецком обществе периода Средневековья – Нового времени, определяющие взгляд на роль мужчины и женщины в семье, на способы разрешения семейных конфликтов. Так, широкое отражение находит тезис о неравенстве супругов, положительное отношение к применению насилия с превентивной целью ради утверждения авторитета в глазах домочадцев. О длительной актуальности шванка свидетельствует его повсеместное использование в проповедях в качестве наглядного примера, в том числе такими известными проповедниками, как Иоганн Гейлер вон Кайзерсберг и августинец Бернхард Фабри (XV в.).

Таким образом, ситуированный в сфере повседневной жизни, шванк не отличается выраженной психологичностью, прихотливостью вымысла, но вместе с ним в литературу вошел мир маленьких людей, многообразный мир повседневности. Немецкий шванк представляет собой один из интереснейших литературных памятников своей эпохи и является ценным источником сведений о матримониальных представлениях, распространённых в бюргерской и крестьянской среде Германии позднего Средневековья – Нового времени.

В третьей главе «Концептуальный анализ композиционно-речевых средств объективации сферы брачно-семейных отношений в текстах шванков XVI-XVIII веков» рассматриваются разноуровневые языковые средства, объективирующие концептуальную область брачно-семейных отношений в художественной картине мира шванка.

При рассмотрении такого важного аспекта брачного поведения, как вступление в брак, в области брачно-семейных отношений условно выделяются три тесно взаимосвязанных культурно-тематических сегмента: отношение к браку и выбор партнёра, реальные качества будущих/потенциальных супругов, начало семейной жизни и связанные с этим трудности. При реконструкции супружеской жизни выделяются такие аспекты, как счастливый брак, неудачный брак, супружеская неверность, физиологический аспект брака, поведение овдовевших супругов, отношение детей и родителей в семье.

В качестве центрального концептуального стержня, логически объединяющего результаты анализа внутри отдельных аспектов темы «Вступления в брак», можно рассматривать образ женщины. На протяжении столетий шванк настойчиво транслирует установку «женщина – воплощение зла». При этом изменения претерпевает интерес авторов шванков к тому или иному аспекту брачного содержания. Так, тексты второй половины XVII – XVIII вв. в шуточной форме взвешивают мнения за и против основания семьи и содержат требования к партнёру. В сборники XVII – XVIII вв. (XVI в. представлен текстами М. Линденера) вошли также шванки, изображающие реальные качества партнёров, преимущественно разоблачая кажущуюся девическую невинность и коварство, скрытое лицемерной набожностью. Излюбленным мотивом шванков XVI в. и последующих веков является

вступление в брак молодых людей, имеющих добрачное прошлое. В шванке исключительно популярно описание первой брачной ночи как источника трагикомических происшествий.

В немногочисленных шванках, посвященных добрачной стадии, центральным мотивом является многолетний безрезультатный поиск разочаровавшимся и многократно овдовевшим мужчиной достойной супруги. Доминирующее скептическое отношение к женскому полу и, как следствие, к браку выражается в первом предложении, выполняющем координирующую и прогностическую функцию преимущественно в поздних шванках, например, «*Ein Fleischer in Nürnberg hatte das Glück, daß ihm die Weiber wohl abgingen, und das Vieh wohl stand*» (Vademecum 1786, «№ 67 Fleischer»). В повествовательном блоке не зафиксировано ярких метафор и эмоционально окрашенных сравнений, оценочная шкала представлена небольшим корпусом прилагательных и их субстантивированных форм, характеризующих потенциальную супругу (речь идет исключительно о женщине) с точки зрения её возраста и внешности (*jung, schön, hässlich, eine Schöne, eine Hässliche*), имущественного положения (*reich, arm, eine Reiche, eine Arme*), хозяйственности (*häußlich*), нравственности и черт характера (*fromm, keusch, bequem, freundlich, eine Fromme*). Рассматриваются лишь полярные воплощения того или иного качества, основным композиционным приемом является построение антонимических пар в параллельных синтаксических структурах (см., например, О. Шперер 1754, «№ 113 Besser ist, sich nicht zu verheyrathen», П. де Мемель, «№ 595 Was bei der Heirat zu bedenken»). При этом даже положительному качеству приписывается возможное отрицательное последствие, как, например, слишком короткая жизнь – набожной невесте.

Наблюдения за микроконтекстами, в которых встречаются ключевые лексемы, позволяют сделать предположение о том, что внутренние качества потенциальной невесты – в первую очередь добрый нрав и благочестие – превалируют по значимости над богатством, молодостью и красотой. Материальные различия, имевшие место при заключении брака, не рассматриваются как возможный фактор семейных конфликтов, не упоминаются и не становятся предметом шутки.

Предметом комической интерпретации в шванках XVII-XVIII вв. становится болезненная, не поддающаяся контролю тяга молодых девушек к противоположному полу (*Mannsucht, Mannes-Lust, Begierde nach Mannsfleisch, allzu grosse Liebe gegen die Manns-Leute*). Образ достигшей брачного возраста девушки раскрывается за счёт номинационных цепочек, включающих в себя как нейтральные обозначения действующего лица, так и эмоционально окрашенные, репрезентирующие авторскую оценку. В значении «легкомысленная девица» выступают употребительные словосочетания *eine gute Dienerne, die gut Tochter, mannsüchtige Jungfrau*, стилистически сниженная лексема *der Schlepsack*. Внимания заслуживает блок метафор как одно из средств реализации концептуальной области на уровне повествовательной структуры текста. Зафиксированные метафоры относятся к обширной области иносказательного описания физиологических отношений и выполняют в

шванках функцию текстообразования и создания комического эффекта. Так, вступление девицы в связь с молодым человеком метафорически сравнивается с вкладыванием меча в ножны, ключа в замок, с ежедневной человеческой потребностью в хлебе насущном.

Образ новобрачной раскрывается в повествовательной структуре в первую очередь за счет эмоционально окрашенной номинационной цепочки, включающей в себя обозначения девушки-невесты в диапазоне от крайне редкой позитивной оценки (*ein frume eerliche tochter*) до доминирующей выраженной негативной (*die gute Madunnen, ein verlegne wahr, für kein Kawfmanns güt geachtet, eine versuchte/ probierte/ barmhertzig Magd/Dirne*). Метафорические образы строятся на гастрономическом сравнении (напр., *innig speck und garstige butter kommen zusammen* – о браке развратного рейтара и лекомысленной девицы, *brod für kuchen nehmen* в значении «обознаться, жениться на недостойной»), на таком связанном с традициями древних германцев источнике символических ассоциаций, как веноч невесты (*der grossen und fast unerträglichen Bürdedes Jungfernkranzes entledigt werden*).

Асимметрия картины мира шванка выражается в фокусировке на отклонениях от нормального хода вещей, в значительном преобладании текстов, описывающих семейную жизнь как череду обид, обманов, жестоких наказаний. Шванк, транслируя социально-культурную установку «жена – главный источник семейных неурядиц», описывает счастливую семейную жизнь как редкостный малодостижимый идеал, назидательно акцентируя в первую очередь добродетели жены и возлагая именно на неё ответственность за отношения в семье. Супружеская любовь как неперемнная составляющая брачного союза упоминается лишь в некоторых текстах, не являясь отправной точкой сюжета. Примеры счастливого брака встречаются преимущественно в сборниках В. Шуманна, Й. Викрама, Я. Фрея и других авторов XVI в., когда была особенно сильна поучительная функция шванка и его связь с проповедческой практикой. По сделанным в ходе диссертационного исследования наблюдениям, базовым концептом является концепт «Христианский брак», так как в качестве счастливого брака изображаются супружеские отношения, построенные в соответствии с христианскими заповедями. Реализация концепта на языковом уровне эксплицируется за счет позитивно окрашенных лексических средств, характеризующих личность человека и образ действия. Ключевыми лексемами являются прилагательные и наречия, обозначающие благочестие и порядочность супруги (*fromm, gottesröchtig, gottselig, ehrlich, erbar*), приветливый нрав жены (*schön, freundlich, holdselig*), а также добродетели обоих супругов (см. микроцикл про рыцаря графа Мюмпельгарта, В. Шуманн, *Nachtbüchlein*). Показательны метафорические обозначения, базирующиеся на христианских понятиях и номинирующие достойных женщин, например, *ein Abschnitt vom Himmel, ein Confect aus dem Paradeuß, ein Engel in Menschengestalt* и др.

Значительной репрезентативностью в качестве источника реализации концепта «Христианский брак» обладают интертекстуальные включения немодифицированных/незначительно модифицированных цитат из текстов

Ветхого и Нового заветов (Книга Исход, Книга Моисея, Послания апостола Павла), вошедшие в морализирующие заключения шванков в аргументирующей функции и пропагандирующие 1) подчинение жены мужу как главе дома, их совместные усилия и молитвы ради преодоления трудностей и невзгод во имя семейного благополучия 2) существование мужа и жены как единой плоти.

Негативный семейный опыт вызывал у читателей живой интерес и наиболее яркие эмоции, варьирующиеся от понимания и искреннего сочувствия до злорадства. Значительно преобладают тексты, посвященные злым жёнам, а не жестоким и несправедливым мужьям. Концепт «Злая жена», получая репрезентацию уже на уровне заголовков («№ 190 *Ein böses Weib ist des Manns ärgster Feind*», О. Шрегер), в повествовательном блоке преимущественно объективируется прилагательными *böse, zänkisch* с усилительными частицами, а также производными от данных корней лексемами (*das alte Zanckeisen*), оригинальными метафорическими сравнениями. Представляется возможным выделить следующие группы единиц вторичной номинации: 1) лексемы и словосочетания, относящиеся к области христианской идеологии и обозначающие злую женщину как исчадие ада, родственницу дьявола (*Teufel, Teufel's Schwester, Fegefeuer, der böse Hellriegel, Tartanihara* и др.); 2) лексемы и словосочетания, сравнивающие злую жены с орудием пытки, а мужа – с мучеником (*Marter-Holz, Haus-Kreuz, Christen-Creuz, quäckichte Qualbank; der arme ellende/vollkommene Marterer*); 3) лексемы и словосочетания, составляющие зоонимических метафор и сравнений (*böses/ falsches/ treuloses/ unartiges Tier, das alt Muster, Trampeltier, Rabenaas, arglistige Atzel, heußlicher Hornickel, ohnsinniger Ohrwurm, wütende Wölffin, yrrige Yltis*); 4) обладающие отрицательной коннотацией имена собственные и нарицательные, относящиеся к области христианской истории, древнеримской и древнегреческой мифологии (*Furie, Proserpina, irrige Jesabel, Xantippe, betrüglicher Basilisk*).

Таким образом, сборники шванков XVI – XVIII вв. отразили оживлённую богословскую дискуссию о том, является ли женщина человеком. Широко известный инквизиторский трактат «*Malleus maleficarum*» (Молот ведьм, 1487) определяет женщину как несовершенное животное, как «ворота в ад», «факел сатаны», «заразную чуму», «ловушку дьявола», «сладкий яд». В XVII-XVIII вв. подобное восприятие женщины уже не соответствовало действительности, однако, именно эта тема представляет собой яркий пример ретроспективности шванка, а также католических проповедей: компиляторы охотно обращались к старым источникам и транслировали далее эти социально-культурные установки.

Помимо злого характера такие качества, как женское упрямство и властолюбие, превращают семейную жизнь в череду ссор и даже драк (*ein stetiger krieg und zanck*). Тема борьбу супругов за влияние в семье получила особую популярность в шванках XVII в., содержащих подробные сцены домашнего насилия. В качестве провоцирующей и одерживающей верх стороны изображается именно женщина (*ein böß halstarrig Weib, ein sehr trutziges und pochendes Weib, ein schaum von einem bösen stuck fleisch*), со времён

Евы наделенная строптивым характером (*ein angeerbt böse, giftige Natur*). Сцены домашних ссор приобретают выпуклость за счёт длинной цепочки эмоционально окрашенных синонимов к *schlagen* (*herumschleppen, abprügeln, den Regimentsstab ums Maul schlagen, den Hintern zerhauen, mit der Faust um den Kopff herumgehen*). При этом шванк, осуждая побон со стороны жены, всячески поддерживает идею о необходимости умеренного физического наказания со стороны мужа ради улучшения изначально греховной женской природы.

Важным конфликтообразующим фактором является супружеская неверность (исключительно женская), в качестве основных факторов возникновения которой шванк рассматривает 1) врождённую женскую порочность; 2) равнодушие или, наоборот, беспочвенную ревность супруга; 3) неравный по возрастным показателям брак, преимущественно брак старика и юной девушки. Ключевые слова, служащие в повествовательном блоке для обозначения неверной жены, отличаются значительной образностью, например, *Burschseckel* (досл. общая касса землячества), *aller Frauen Schand und Laster, vergeylte Caroige und verfluchte Bestie, die Schwäbene* (добродетель женщин Швабии пользовалась сомнительной славой). Мужская неверность рассматривается в несоизмеримо меньшем числе шванков, не подлежит осуждению и не влечёт к созданию интересных сюжетных ходов.

Авторы шванков предостерегают мужей от невнимания и пренебрежения физиологической стороной брака, что является нарушением христианских заповедей, вводит в грех обоих супругов. Физическая сторона супружеских отношений находится в фокусе внимания шванка на протяжении всего времени его существования, наиболее подробные описания сексуальных сцен содержат шванки из сборников XVI в. Многообразен лексический корпус, служащий в шванке для описания физиологической стороны брака. В значении «вступать с к.-л. в сексуальные отношения» были зафиксированы 1) лексемы и словосочетания, метафорически связанные с сельскохозяйственными работами, повседневной крестьянской жизнью (*Acker fahren, mit Saamen bestellen, Wiese grasen, stropurtzeln, den Pflug zu Bett führen, Flöhe aus den Hemden suchen*); 2) образные глагольные словосочетания с глаголами движения (*jmdm. über Rhein fahren, manig meyl reiten*); 3) лексемы из топикальной цепочки «Еда» (*zu Bett speisen, Nachthunger haben*); 4) лексемы, метафорически связывающие сексуальные отношения с работой, ремеслом, долгом (*das alte Werk der Ehe, nächtliche Arbeit, das alte Handwerk, Kinder schnitzeln, eheliche Pflicht*); 5) глаголы и глагольные сочетания, обозначающие удовольствие, радость (*scherzen, den Dannheuser / Wälsches Tänzlein tanzen, Freude haben, Freu und Lust von einander nehmen*); 6) лексемы, метафорически связывающие сексуальные отношения с игрой (*Venusspiel, blinde Maus spielen, Liebe mit. jmdm. spielen*); 7) лексемы, входящие в топикальную цепочку «церковь» (*Capelle besingen/weihen, kuttенieren, examinieren, jmdm. zum Konfessor haben*); 8) лексемы и словосочетания, метафорически сравнивающие сексуальные отношения с борьбой, войной, страданием (*Krieg, sich kriegen, Leid, leiden, jmds. Armbrust spannen und abschießen*).

Группа шванков, посвященных поведению вдовы/вдовца, позволяет выделить две типичные сюжетные линии. Часть текстов повествует о нарушающем привычный ход вещей поведении овдовевшего супруга (например, похороны с веселой музыкой, размышление вслух на похоронах о будущем преемнике усопшего). Встречаются также тексты, посвященные повторному браку, включающие примеры сердечного отношения к памяти покойного супруга (например, «*Der fahrende Schüler im Paradies*», встречающийся в сборниках Й. Викрама, П. де Мемеля).

Число шванков, обратившихся к особенностям детско-родительских отношений, порицающих или, наоборот, приводящих в качестве дидактического примера ту или иную стратегию поведения, невелико. Прежде всего внимания заслуживают тексты авторов XVI в. – М. Монтануса, В. Шуманна, Я. Фрея, стремившихся наравне с развлекательной функцией реализовать воспитательный потенциал шванка. В корпусе действующих лиц шванка дети обычно важны не сами по себе, а лишь как свидетели супружеской измены, делающие тайное явным по своему простодушию. Чрезвычайно популярен на всем протяжении существования шванка мотив сомнительного отцовства, когда само рождение ребёнка во время длительного отсутствия мужа (купца, военного) является доказательством неверности его матери.

Вместе с тем, ребёнок или юноша как самостоятельная личность с её эмоциями и поступками встречается уже в ранних шванках. В качестве исходных ключевых моментов, характеризующих отражение в шванке подхода к воспитанию детей (исключительно сыновей), следует назвать 1) обоюдную любовь и уважение родителей и детей в соответствии с христианскими заповедями (*auff das ehrlichste in aller gottes forcht erziehen, [den Eltern] nach gott die höchste unnd grösste ehr schuldig sein, ihren worten von gantzem hertzen folgen, [das Kind] für alle welt lieb haben, für jmds. freud und auffenthaltung haben*); 2) позитивное отношение к телесному наказанию как средству воспитания (*wann er [der Sohn] mir nitt volgen will, so sill ich in mit dem stecken übel, übel schlagen*); 3) воспитание благочестия (напр., «*Von einem knäblein, das meisterlich wol keglen kundt, was aber noch zů jung lernen bätten*», Й. Викрам); 4) поощрение стремления к знаниям, наследованию хороших манер, опыта старшего поколения (*weißheit, gebreuch, arten und gewohnheiten, erbarkeit, güte sitten vnnd alle schöne hofzucht lernen*).

В заключении подводятся итоги исследования.

Заключение

Немецкий прозаический шванк XVI-XVIII вв. является ценным этноспецифичным материалом лингвокультурологического анализа и позволяет сделать выводы об особенностях мировидения немецкого этноса на рубеже позднего средневековья – Нового времени, о том, какие нормы социального (в данном случае – брачно-семейного поведения) представляли в комическом или же трагическом свете, оказывая несомненное влияние на формирование оценочного/критического мировосприятия читателя, его

поведенческих стереотипов. При этом концептуальная картина мира шванка характеризуется отчётливой асимметрией: доминирует тенденция к изображению супружеских отношений, отклоняющихся от норм общепринятой морали и христианских догм.

Анализ фактического материала подтвердил тезис о ярко выраженной андроцентрической направленности шванка и о существовавшей на протяжении веков его мизогинной окраски. Шванк эксплицирует не столько объективные характеристики мужчины и женщины в браке и семье, сколько стереотипные свойства, приписываемые им народным мировосприятием. Он отражает, культивирует и ретранслирует предрассудки, имевшие место в народной среде со времен античности. Зафиксировав отношение к женщине как к существу неполноценному и греховному, шванк отразил своеобразную культурно-языковую универсалию индоевропейской культуры.

Языковая репрезентация концептуальной области брачно-семейных отношений отличается выраженной стилиевой гетерогенностью, сочетанием в одном тексте разных стилистических пластов. Использование антропонимов, обозначающих известных исторических личностей или же мифологических существ, требующих определенного уровня образованности читателя, сочетается с использованием разного рода окказиональных образований просторечного содержания, натуралистическими описаниями. Шванк фиксирует, с одной стороны, большое количество лексических единиц низшей страты, грубых выражений, просторечной лексики и фразеологии. С другой стороны, отдельные тексты или целые циклы шванков, посвященные жизни дворянского сословия, включают поэтически окрашенную лексику, в том числе единицы вторичной номинации, способствующие поэтизации, гиперболизированной идеализации семейных отношений.

В шванке доминирует лексика с конкретно-предметным содержанием, за счет чего достигается живая выразительность высказывания, доступность изложения читателям разной социальной принадлежности. В то же время корпус лексики с абстрактной семантикой занимает значительное место. Любовь, верность, благочестие – часто встречающиеся темы морализирующих размышлений авторов. Авторитетность текстам придает частое цитирование Священного Писания, свойственное в первую очередь текстам постреформационного периода, а также, что встречается гораздо реже, обращение к античным философам.

Комбинирование стилистических элементов, склонность к использованию ассоциативно богатых выражений во многом зависит от уровня литературного мастерства автора-составителя конкретного сборника. Языковой материал шванка, преимущественно носящий эмоционально-оценочный характер, наглядно свидетельствует о распространенных в ту эпоху принципах комбинации стилистических элементов, средствах выразительности, особенностях метафорической номинации. Метафорика шванка заимствует образы из повседневной жизни. Многообразен фразеологический фонд шванков: прозаические и рифмованные пословицы, поговорки, устойчивые глагольные

словосочетания аккумулируют в своей семантике прагматико-смысловые координаты текста.

Диакроническое сопоставление текстов шванков различных временных периодов позволяет сделать вывод о том, что сфера брачно-семейных отношений характеризуется устойчивостью на уровне транслируемых смыслов, в то время как корпус средств языковой репрезентации широкого стилистического диапазона и - в большей степени - композиционные особенности текстов (форма и архитектоника морализирующих включений, функциональная роль заголовков, использование интекстовых включений) претерпевали значительные изменения на протяжении существования жанра. Если в содержательном отношении в шванке не прослеживается чуткой реакции на изменение ценностей, правил, норм поведения в обществе, то языковые средства отражают изменения, которые претерпел немецкий национальный язык в своем развитии. Шванк характеризуется тенденцией к сглаживанию диалектальных различий, в его языке обнаруживаются латинские, позже итальянские, французские заимствования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Данилова В.А. К проблеме адресованности фольклорного текста в диакроническом аспекте /Some aspects of the intention of the folklore text from the diachronic point of view // Актуальные вопросы современного университетского образования. Modern Concepts of University Education: Материалы VII Российско – американской научно–практической конференции (11 – 13 мая 2004). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – С. 129-131 (0, 1 п. л.).
2. Данилова В.А. Формирование лингвокультурологической компетенции учащихся в процессе работы с комическим фольклорным текстом (на примере немецкого шванка)// Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы III Международной научно- практической конференции (22-24 апреля 2004). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.– С. 113-115 (0, 1 п. л.).
3. Данилова В.А. Об особенностях языковой картины мира в средневековом шванке// Герценовские чтения: Иностранные языки: Материалы конференции (18 – 20 мая 2004). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – С. 81-83 (0,1 п. л.).
4. Данилова В.А. Проблема соотношения литературной и фольклорной традиции в немецком шванке// Сб. ст. STUDIA LINGUISTICA: Человек в пространстве смысла: слово и текст. – № XIV. – СПб.: Борей Арт, 2005.– С. 163-168 (0, 3 п. л.).
5. Данилова В.А. Немецкий шванк: структурная многоплановость и проблемы классификации//Вопросы германской и романской филологии: Учёные записки. – Вып. 3. – Том XIV. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2005. – С. 55-60 (0, 3 п. л.).
6. Данилова В.А. Образ семьи в немецком шванке: опыт концептуальной реконструкции) //Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в

иностранный аудитории: Материалы IV Международной научно- практической конференции (13-15 апреля 2005). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – С.184-185 (0, 1 п. л.).

7. Данилова В.А. Эвфемистическая перифраза как средство иноязычного повествования в немецком шванке //Герценовские чтения: Иностранные языки: Материалы конференции (10- 11 мая 2005). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – С. 61-63 (0, 1 п. л.).

8. Данилова В.А. О специфике языковых комических средств в текстах немецких шванков/Concerning the peculiarities of lexical means of comic in the texts of the German Schwank //Актуальные вопросы современного университетского образования. Modern Concepts of University Education: Материалы VIII Российско – американской научно–практической конференции (17- 19 мая 2005). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2005. – С.136-148. (0, 1 п. л.).

9. Данилова В.А. Актуализация гендерных стереотипов в текстах немецких шванков XVI века //Актуальные проблемы германистики и романистики: Сб. статей по материалам межвузовской научной конференции (21- 22 июня 2005). – Смоленск: СПГУ, 2005. – Вып. 9. – Ч. II: Язык в тексте. – С. 208 –213 (0, 3 п. л.).

10. Данилова В.А. К вопросу об использовании лексикографических источников в процессе концептуального анализа художественного текста (на примере немецких шванков) //Проблемы лингвистики и лингводидактики в высшей школе: Материалы Всероссийской научно- методической конференции (15 июня 2005 года). – СПб.: Изд-во ВмедА, 2005. – Вып. 6. – С.10 – 17 (0, 7 п. л.).

11. Данилова В.А. Использование электронной базы данных при работе с текстами немецкой народной литературы XVI-XVIII веков// Реформа системы высшего образования в сфере гуманитарных и социальных наук: проблемы и перспективы – США и Россия: Материалы международной конференции (15 – 17 марта 2006 года). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 227-229 (0, 1 п. л.).

12. Данилова В.А. Структурно-речевые особенности морализирующих авторских включений в немецких шванках XVI-XVIII веков //Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – №1 (18). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006 (октябрь). – С. 45- 47 (0, 2 п. л.).

13. Данилова В.А. К вопросу о потенциале художественного текста в исследованиях по реконструкции национального менталитета// Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – №3 (47). – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2006 (ноябрь). – С. 232- 234 (0, 2 п. л.).

14. Данилова В.А. Особенности реализации интертекстуальных связей в композиционно-речевой структуре немецких шванков XVI-XVIII веков//Вестник Санкт- Петербургского государственного университета. – Серия 9. – Вып. 4. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006 (декабрь) – С.101-110 (0,8 п. л.).

Подписано в печать 26.02.07
Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО "Галарис"
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21